

The Righteous of Proskurov - Polozov and Kachurovskij

“О проскурровских праведниках” (On The Righteous of Proskurov)

Introduction in English by Eugenia Sheinman, Indianapolis

Link to on-line article [2016] <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=8719>

This article [2016] is dedicated to the two real heroes who were saving the local Jewish victims during the most bloody pogrom of the Civil War in Russia, which was carried out by Petlyura's troops in the Jewish neighborhoods of Proskurov on February 15-17, 1919. Their names are Klimentiy Vasil'yevich Kachurovskiy and Sergey Nikolaevich Polozov. Father Klimentiy was the Russian Orthodox priest, who was murdered by pogromchiks next to the church where he had served for his attempt to stop the pogrom and to protect the Jews. S. N. Polozov was a doctor who helped to more than 200 wounded Jewish children, men and women, which were found in the street and in the houses of the Jewish neighborhood during and after pogrom. Besides, he hid more than 20 Jews in his own house risking by his own life and the lives of his family members. I was happy to meet his daughter Marianna in St. Petersburg in the middle of 1990-s who told me a lot about her father's life and legacy. I sadly found that Polozov's grave in the local Russian orthodox cemetery was neglected for many years and his gravestone was in awful condition. The best of aftermath of the article was that nowadays resident of Khmel'nitskiy, former Proskurov, Yaroslav Mikhajlovsky, has got involved in the repair of the Polozov's gravemark. By lucky coincidence, the Polozov's grandson, outstanding author and playwright, Sergey Kokovkin, had, by chance, read my article, and after I connected him with Yaroslav, he visited Khmel'nitskiy and shared his memories and family pictures with local historians, workers of Khmel'nitskiy historical museum, so I hope that soon in this museum the exhibition on Dr Polozov and his outstanding family will be presented.

О проскурровских праведниках
Евгения Шейнман, Индианаполис

*...как каторжник ядро,
Я волочу чужую память...
Илья Эренбург,
Бабий Яр (1944)*

Я не Илья Эренбург, но я тоже «волочу чужую память», и не только не могу отделаться от ужасов войны, но не получается вытеснить из памяти кошмары погромов. Вот и сейчас, в очередную годовщину самого кровавого в истории Гражданской войны Проскурровского погрома (он начался 15 февраля 1919 года) всплывают в памяти обрывки чужих воспоминаний – и старых, с которыми я познакомилась лет 20 с лишним назад, и обнаруженных совсем недавно. К этому страшному, почти 100-летней давности, эпизоду лихолетья у меня есть и личная привязка. Мой дядя Нюня, в миру Евгений Давидович Шейнман, как раз тогда, в феврале 1919 года жил у наших родственников в Проскурове, Ему было 16 лет, он учился в местной иешиве. Даже при

том информационном вакууме, в котором проходила наша советская жизнь, мы многое знали, в основном, из наших семейных историй. Я с детства знала, что папин старший брат едва не лишился жизни в Проскуровской кровавой оргии. Слово «погром» всем советским и не советским евреям было известно чуть ли не с рождения. В советские времена в «нашей солнечной стране» ничего существенного о погромах в исторических источниках найти не удавалось. О них в советской историографии упоминалось вскользь, как о чем-то несущественном в сравнении с атаками буденновской конницы. А уж о людях, спасавших евреев, вообще ни звука. Но зато тогда еще можно было найти живых свидетелей резни. И мне повезло с этим. Встреченная мною свидетельница Проскуровского погрома оказалась дочерью врача, спасшего много евреев! Известно, что в том погроме участвовали доктор бригады петлюровских «гайдамаков» Скорник с сестрой милосердия и двумя санитарями – зверствовали, как последние подонки. Когда кто-то бросил врачу: «побойтесь Бога – на вас же красный крест!», он тут же сорвал с себя повязку с крестом и (врач!) продолжал своими руками убивать безоружных, незащитных, пойманных врасплох, – женщин, детей, стариков. Но, слава Богу, ему можно противопоставить достойнейшего местного врача, доктора Сергея Николаевича Полозова, который спрятал в своем доме, по рассказам дочери, больше двадцати (по другим сведениям – около полусотни) потенциальных жертв, рискуя собой и своей семьей. Он же, верный клятве Гиппократова оказывать помощь нуждающимся в ней, перевязывал раненых – без страха ходил по улицам, заходил в дома. Сам он не считал то, что он делал, геройством – он исполнял свой человеческий и врачебный долг. Его-то дочь, Марианну Сергеевну Полозову, мне посчастливилось повидать в Питере в середине 1990-х годов и расспросить об отце, семье, из которой он вышел, и о том, что она сама запомнила о событиях в Проскурове, будучи в то время девятилетней девочкой. Это большая удача!

В начале февраля 1919 года в город вошли казачья бригада им. С. Петлюры и «Гайдамацкий» полк (пан Петлюра был склонен к романтике. Войско его одеждой, усами и прическами напоминало воинство Богдана Хмельницкого. И свирепостью, бесчеловечностью, разнузданностью - тоже)... В субботу 15 февраля, днем, когда местечковые, далекие от политики евреи пришли домой из синагоги и сидели за праздничным столом, убийцы-петлюровцы, в военной форме и с оружием в руках, прошли организованным маршем по главной, Александровской улице города, небольшими группами рассеялись по впадающим в нее кривым улочкам так называемого «гусяного» квартала, заселенного еврейской беднотой, и неожиданно ворвались в еврейские дома. А уж что они там творили, я не могу передать – настолько это было ужасно... Перед выходом из казармы они были подробно проинструктированы атаманом Семесенко. Даже способы убийств были регламентированы – им было велено не стрелять, но колоть и резать. Можно было выпускать кишки, поднимать деток на штыки, разрешалось насиловать женщин, но потом их обязательно убивать. Им поднесли много горилки, чтоб никакими сомнениями или угрызениями совести, убивая безоружных и незащитных, не мучиться. Один нюанс: грабежи им в этот день были строго-настроено запрещены. Мальчик, который получил несколько ран и притворился мертвым, слышал, как мать предложила убийцам деньги, но они «ласково» ответили: «Мы не за грошами – мы только за душами вашими пришли». Убивали всех поголовно,

цель была – истребить возможно бóльшее количество евреев, и притом убивали их самыми зверскими методами. Можно отнести к ним слова И. Г. Эренбурга из одной из наиболее хлестких его статей времён ВОВ: «Зверье оно и есть зверье. Они даже не преступники. И не люди».

Жертвы петлюровского погрома в Проскурове. Февраль 1919 г.

И в это же время в Гречанах, в трех верстах от Проскурова, случилось вот что... Гречаны - наследственное имение Нахимовых, полученное в приданое женой доктора Полозова, Валентиной Сергеевной Нахимовой, правнучатой племянницей знаменитого адмирала. Там тогда жила немаленькая семья: родители - доктор и его жена, их шестеро детей, тесть с тещей, воспитанница, и еще няня с ее девочкой! Вот что происходило в Гречанах в тот яркий солнечный зимний день середины февраля, так ясно сохранившийся в памяти Марианны Сергеевны. Она прибежала домой к обеду – тогда она была общительным ребенком и любила навещать подружек. Не успела она закрыть за собой дверь, как вдруг она вновь распахнулась, и прихожая заполнилась шумной взволнованной толпой проскуровских евреев. Девочке показалось, что их было не меньше 20 человек. Они все так громко кричали, перебивая друг друга, что понять ничего нельзя было. Отец гаркнул зычным голосом: «Молчать» - и стал расспрашивать каждого в отдельности. Быстро уловил, что произошло, и скомандовал детям: «Ковер, подушки, одеяла – в подвал». Он привык командовать своей детворой... Они оборудовали в обширном подвале убежище. Беглецы спустились вниз. Детям было строго наказано: «Никому ни слова!». Когда погром на третий день утих, хозяева еще

сутки продержали у себя своих невольных гостей. Потом доктор сказал им: «Петлюра пошел дальше – можете идти домой». Но они боялись уходить. Тогда он посадил женщин и детей в сани, а мужчины и подростки - те, что покрепче, шли рядом, и сам он развез их по домам. ЧТО их ждало там, невозможно передать словами. Он первый заходил в каждый дом... Первые ночи после этой поездки доктор, сильный человек, не мог спать. В одном доме нашел раненого мальчишку - с выколотым глазом. Он был весь в крови - "гайдамаки", проверяя, не попрятались ли где жидаы, протыкали всё штыками. Мальчик прятался под периной - удар штыка пришелся ему прямо в глаз. И он смолчал, не вскрикнул, иначе бы его убили. Еще Марианна Сергеевна вспомнила, что в первый день проскуровского погрома везде висели и валялись листовки (она назвала их - «розовые афишки»), изготовленные по приказу атамана Семесенко, в которых гибель пророчили не только "жидам", но и тем, кто их будет укрывать, так что опасность для спасателей была вполне реальной. И всё же и ее отец, и некоторые другие жители Проскурова ею пренебрегли. Много лет спустя Лиза, средняя дочь доктора Полозова, проезжая на поезде по Восточной Сибири, случайно назвала свою девичью фамилию.

- А доктор Полозов вам неизвестен? - спросила попугчица.
- Это мой отец, - сказала Лиза.
- О, благодарю, благодарю вас и вашего отца! Мы за него и за всех вас постоянно молимся, - воскликнула еврейка.

Теперь пришло время назвать имя человека, который заинтересовался правдивой историей Проскуровского погрома гораздо раньше меня и познакомил меня с Марианной Сергеевной. Это питерский профессор-китаист Юрий Львович Кроль, чьи родные были свидетелями и жертвами погрома в Проскурове (погибли одни братья его отца и чудом спаслись другие). Он понял, что в СССР источников по еврейской истории вообще и Проскуровской, в частности, в то время не удастся найти, поэтому он, с одной стороны, связался с YIVO, и получил от них документальные архивные данные, а с другой, принялся искать живых свидетелей Проскуровского погрома. И преуспел в этом. Дотошный Юрий Львович и разыскал в Питере Марианну Сергеевну Полозову. Ей в феврале 1919 года было неполных 9 лет, но она хорошо помнила ужас, испытанный ею в дни погрома. «Откуда такая злоба?»- этот вопрос продолжал ее мучить всю жизнь. Она рассказала Ю. Л. о своем отце. С.Н. Полозов (1877-1937) - уроженец Рославля, небольшого городка под Смоленском. Он происходил из семьи купца Н. А. Полозова, незаурядного человека, умного, проницательного, необыкновенно любознательного. Дедушка Марианны Сергеевны много ездил по свету, исколесил всю Россию, бывал в Японии, в Китае и даже в далеком экзотическом Сингапуре (по Вертинскому – «в бананово-лимонном Сингапуре...»). И везде наблюдал, запоминал, учился у всех, с кем встречался. Он был большой благотворитель в части народного просвещения, устройства сельских школ, наилучшего их оснащения. И, конечно, своим детям он дал самое лучшее образование. Его старший сын Дмитрий стал известным художником. Девичья фамилия его матери, жены Н. А. Полозова, была «Микешина», она была родственницей известного скульптора, автора памятника тысячелетия России в Новгороде. Заметим, что он же изваял памятники Богдану Хмельницкому в Киеве и Екатерине II в Санкт-Петербурге, Наверно, от нее Дмитрий получил в наследство талант

художника. Он был другом С. Коненкова (знаменитый скульптор был одноклассником его младшего брата Сергея, а обучение деревенского мальчика в гимназии, как и его последующее художественное образование шло за счет папы-Полозова). Сестры Дмитрия и Сергея (дочери Н.А.) закончили Бестужевские курсы в Петербурге. Среди детей купца Н. А. Полозова было несколько врачей. Отец передал детям свою страсть к знаниям и демократические взгляды. Сергей Николаевич получил первичное медицинское образование в Московском ун-те (закончил его с отличием в 1902 г.). После специализации в Германии стал врачом ЛОР и окулистом в одном лице. Женившись на дочери внучатого племянника адмирала Нахимова, он, как я сказала, поселился с семьей в Гречанах, наследственном имении тестя в 3-х верстах от Проскурова. Перед Первой Мировой войной, в 1912-1914 годах, Полозовы устроили в своем большом доме в Гречанах «Воспитательный дом для бездомных детей». В нем они приютили 18 обездоленных подростков-сирот. При них были две воспитательницы. Это шло от Валентины Сергеевны, хозяйки дома, – ей были близки идеи толстовства, она в свое время принимала участие в оказании помощи голодающим, организованной Львом Николаевичем Толстым. В семье хранился фотопортрет Л.Н., подаренный им отцу Валентины Сергеевны. Но когда Проскуров оказался в прифронтовой полосе, пришлось детдом вывезти в безопасное место. Целый вагон понадобился, чтобы поместились и дети, и оборудование, необходимое для функционирования детдома. И действительно, город был оккупирован сперва австрийцами, а позже в него вошли немцы.

Памятник жертвам Проскуровского погрома, г. Хмельницкий (бывший Проскуров)

Доктор Полозов работал в больнице и амбулатории Проскурова, а также вел частный

прием больных, благо недостатка в пациентах у него не было – он был уникальным специалистом и пользовался большой известностью в округе. Такого врача в Проскурове никогда не было, ни до, ни после. Для удобства пациентов кабинет для приема больных ему предоставил в своем доме в центре города его коллега и близкий друг доктор Шполянский – поместье Гречаны было слишком удалено от города. Моисей Львович Шполянский (1857-1920), закончив столичную «Императорскую Медико-хирургическую академию» в 1880 году, многие годы руководил проскуровской еврейской больницей, был гласным местной Думы. Это был добрейший человек и замечательный врач. Конечно, в больнице получали необходимую помощь не только еврейские пациенты. Он сам принимал роды у местных женщин. Марианна тоже появилась на свет с его помощью. Моисей Львович высоко ценил доктора Полозова. В детстве Марианна любила сидеть в приемной и наблюдать за потоком больных, обращавшихся к ее отцу. В день его приёма больных Аптекарьская улица, прилегавшая к дому Шполянских, всегда была запружена телегами – больные съезжались со всей округи, из ближних и дальних местечек и сел: украинцы, евреи, поляки, русские – болезнь не разбирает, кто есть кто. Она помнит и слепого еврейского мальчика из Городка, и столетнего старца, умолявшего доктора вернуть ему зрение, а то внуки отказываются читать ему газеты.

Этот февральский, 1919 года, погром был не единственным в Проскурове за годы Гражданской войны. Ю. Л. Кроль передал мне рассказ Марианны Сергеевны об еще одном погроме, случившемся там же, но позже, и о спасительной роли ее отца и в этом страшном событии. Она назвала погром «деникинским», что мне показалось сомнительным. Но, в конце концов, так это или не так - какая разница? И все же – вот что я узнала: в отчете Киевского отделения «Джойнта» за 1923 г. нашла сообщение о том, что «18 ноября 1920 года евреи Проскурова подверглись атаке со стороны отступавших войск Савинкова». Меня это сообщение, честно говоря, повергло в изумление - при чем тут Б. Савинков? Но оказалось, что «в августе 1920 г. было достигнуто политическое согласие между Б. Савинковым и С. Петлюрой, результатом которого было признание независимости Украины группой русской эмиграции, ориентированной на Савинкова. После этого группа воинов-савинковцев влилась в армию Петлюры» (http://militera.lib.ru/h/savchenko_va/11.html). И вот они-то как будто и учинили погром буквально в день окончательного установления советской власти в Проскурове. На том же сайте есть указание, что как раз 18 ноября 1920 года кавбригада Котовского, прорвав петлюровско-савинковский фронт, захватила Проскуров. Наверно, савинковцы, отступая под натиском кавалерии Котовского, успели «прогуляться» по еврейским домам оставляемого ими города. Думаю, что в истории Марианны Сергеевны речь шла об этом погроме. Но полной ясности, кем были погромщики конца Гражданской войны, о которых она рассказала, у меня нет. Конечно, масштабы этого погрома и количество пострадавших было существенно меньше, чем при Петлюровской резне 1919 года. Но погром есть погром – были и убитые, и раненые, и изнасилованные женщины и девушки. Когда он начался, Сергей Николаевич вел прием больных в кабинете, располагавшемся в доме Шполянских. При приближении погромщиков хозяева дома спрятались на чердаке. В тот момент, когда пьяные бандиты ворвались в дом, С.Н. вышел к ним навстречу в белом халате, преградив им путь.

- Где жидаы? – вопили они.
- Вы видите - я здесь принимаю больных, - невозмутимо отвечал им доктор.
- Где жидаы? Попрятались, гады??
- Хотите - ищите.

Интуитивно доктор Полозов чувствовал, что погромщики не посмеют отпихнуть его и ворваться в дом. Действительно, они оробели - раж с них сошел. Его спокойствие, невозмутимость, а может быть, и белый халат произвели на них впечатление. Ушли. А что бы он сделал, если бы они захотели искать жидов? Ведь они могли и убить его... Огромный риск... Дочь вспоминала через много лет, что любовь к риску, авантюренность присутствовала в характере ее отца. И какое при этом самообладание! Да, он спас семью Шполяных, но этот страшный эпизод подкосил Моисея Львовича - через неделю он умер от сердечного приступа. Марианна Сергеевна назвала имена других жителей Проскурова, спасавших евреев – прятавших их у себя в домах с риском для собственной жизни. Местные интеллигенты, как правило, считали это своим долгом. Это адвокат Николай Александрович Анцыферов (когда он умер, не только в церкви его отпевали – заупокойные службы прошли и в местных синагогах), польская семья Лозинских, жившая у переезда, по дороге на Фельштин, и другие достойные люди, чьих имен я не знаю - вычитала, что их внуки-правнуки недавно пришли на Круглый стол в Хесед-БЕШТ Хмельницкого (б. Проскурова), чтобы поделиться хранимой в семьях информацией об этом.

Марианна Сергеевна в 1926 году уехала из Проскурова к старшим сестрам в Ленинград. Там училась, вышла замуж, родила двух сыновей. Я не преминула навестить ее по «наводке» Ю. Л. Кроля – мне хотелось с ней познакомиться, посмотреть ее фотографии, задать важные для меня вопросы. Ей было уже без малого 90 лет, но память о семье, о событиях того давнего времени она полностью сохранила. На стенах ее комнаты висели старые фотографии в солидных рамках. Среди них большой фотопортрет доктора Полозова в его кабинете в Проскурове, с зеркалом врача ЛОР на лбу. Он что-то записывает в карточку больного. А вот самая ранняя фотография – 1902 года. На ней счастливый отец, улыбаясь, держит на руках пухленькую девчушку, которой по виду нет и года. Рядом с ним – красавица-жена. Более поздняя фотография: он же в военной форме, окруженный детьми. Тане, старшей, уже 15 лет. Доктор служил в армии с самого начала Первой Мировой: был начальником сануправления на Северо-Западном театре военных действий. В 1917 году он получил краткий отпуск и приехал домой на побывку.

Рассказала мне Марианна Сергеевна, как трудно было отцу с его независимым характером и свободолюбием жить «под большевиками», в условиях нарастающей несвободы, унификации, торжества тоталитарного режима. Преследования начались буквально с первых дней советской власти. «Красные потащили деда в ЧК, как только вошли в город, - пишет его внук Сергей Коковкин. - Ожидая допроса в толчее местной лубянки, дед шесть часов сидел на принесенной с собой трости-стуле и читал «Дон Кихота». Искали золото, которого у деда не было. Мстя за ушедшего к белым

племянника, ставили к стенке. Но Полозов был первым врачом в городе и был нужен при любой власти». Позже появились в Проскурове чиновники от медицины, начали диктовать доктору условия. Бюрократы потребовали, чтобы он отказался от частной практики. Он объяснил им, что не может этого сделать. У него семеро детей, четверо старших – студенты, живут и учатся в Москве и Ленинграде, а трое младших в тот момент жили с ним. Ему приходится всех поддерживать. Тогда его исключили из профсоюза медиков. Правда, вскоре спохватились: самый известный в городе врач, – и не член профсоюза?! Предложили вернуться в союз медиков – он отказался. Дети звали его к себе – он не хотел оставить просторный дом, собак, с которыми он любил гулять, дивные окрестные места. И САМОЕ ГЛАВНОЕ, он чувствовал себя нужным в Проскурове – там больше не было специалистов такого ранга с такой востребованной специализацией. Буквально с момента установления Советской власти на Украине он стал заведующим лечебной частью Проскуровского уездного здравотдела. Он же был организатором отделения по болезням глаз, уха, горла и носа при межрайонной больнице. Летом 1936 г. доктор Полозов сформировал бригаду по борьбе с трахомой и риносклеромой. Бригада эта обслужила десятки тысяч больных во всех районах Проскуровского округа. Работа эта была отмечена в "Правде". Умер С.Н. Полозов в 1937 году - скоропостижно. Неизвестно, что именно спровоцировало сердечный приступ, унесший в могилу этого крепкого, красивого и еще не старого человека – ему только-только исполнилось 60 лет. Как сердце Моисея Шполянского не выдержало погромных дней 1919-20 годов, так, мне кажется, сердце его друга и коллеги Сергея Полозова разорвалось в 1937 году, не выдержав беспредела тех лет. Ближко знавшие доктора Полозова говорили: «Не умри он своей смертью, неясно, пережил бы он время Большого террора, геноцид военных лет, Дело врачей». Похоронен он на местном кладбище. Кто сейчас о нем помнит? Конечно, в сердцах его потомков живет память о нем. Возможно, потомки выживших, уцелевших в годину бедствий евреев Проскурова с благодарностью вспоминают его имя (хочется думать, что это так, хотя они себя никак не проявляют)? Но этого мало. Такие люди должны быть идеалом, эталоном для всех нас, для наших современников и потомков. Да будет так! В этом ряду хочется упомянуть еще одно имя - Сергея Ниловича Нахимова, тестя С.Н. Полозова. Осенью 1918 года, изгнанный из своего имения в Гаграх, он бежал к единственной дочери в Гречаны. С. Н. Нахимов, интеллигент высшей пробы, имел юридическое образование. Был членом общества по борьбе с алкоголизмом. Публиковался в словаре Брокгауза и Эфрона. Был знаком с Л. Н. Толстым. Работал вместе с ним по борьбе с голодом. Когда в пик Голодомора он увидел, к чему привело хозяйничанье большевиков, он покончил с собой, приняв большую дозу веронала.

А сейчас - вот что удалось узнать об еще одном незаурядном представителе рода человеческого, погибшего в 1919 году в Проскурове. Многим изучавшим историю Проскуровских событий известно имя священника, отца Климентия Васильевича Качуровского, настоятеля Храма Рождества Пресвятой Богородицы, совершившего настоящий подвиг! Он вышел в церковном облачении с большим крестом в руке навстречу бесчинствующим бандитам. Подняв крест, он обратился к ним, пытаясь именем Христа их образумить, отговорить от зверств. К тому времени он успел спрятать от расправы в подвале храма сколько-то еврейских детей. Группа взрослых евреев,

прибегнувших к помощи о. Климентия, толпилась во дворе церкви (к ней-то и рвались погромщики, а он преградил им путь) и со страхом наблюдала за происходившим на их глазах. «Казачи-разбойники», изуверы, такие «горячие», опьяненные пролитой в изобилии кровью и сильно пьяные в буквальном смысле слова, по инерции закололи священника штыками прямо перед храмом. На их глазах упал он «во вратах церковных», не выпустив из рук креста. Смерть о. Климентия отрезвила, остудила толпу дикарей: они остановились, не решаясь переступить через его труп. Так заступник, исколотый штыками, своей смертью еврейскую «смерть поправил». Люди во дворе храма и дети в подвале были спасены. Прошло 80 лет, и в печати появилось сообщение: «Всеукраинский Еврейский Конгресс, Еврейский Фонд Украины, Международный Соломонов университет выступили с обращением в Институт Яд-Вашем в Иерусалиме о присвоении звания «Праведник народов мира» погибшему во время еврейского погрома 1919 года в г. Проскуров священнику православного Храма Рождества Богородицы отцу Климентию Качуровскому». Из статьи протоиерея Сергея (Причишина) «Кладовище міста Проскурова (Хмельницького)» (Кладбище города Проскурова (Хмельницкого)), <http://ukrainica.org.ua/ukr/projects/cvintari/1994>, узнала что "на аллее праведников (цадигов) мира в Иерусалиме в честь соборного протодиакона о. Климентия (Качуровского) был посажен кипарис. Этот поступок в практике иудаизма беспрецедентный, когда цадиком признан клирик христианской Церкви" (перевод с украинского мой - ЕШ). Т.е. надо понимать так, что признание институтом Яд-Вашем о. Климентия Праведником народов мира было высоко оценено в церковных кругах. Из процитированной статьи узнала, что могила о. Климентия находится на воинском участке кладбища, недалеко от памятника двум погибшим в 1915 году лётчикам. "В день его мученической кончины – 15 февраля (праздник Сретения Господня), служится заупокойная лития, а также члены местной еврейской общины «Тхия» посещают его могилу и кладут венки <...> и камни по еврейскому обычаю. Также, в 2004 г., при проведении траурного митинга около братской могилы жертв погрома 15 февраля 1919 года в еврейском секторе старого местного кладбища, представителям УПЦ, приглашенным на митинг, члены еврейского благотворительного фонда «Хесед – Бешт» показали отреставрированный памятник жертвам еврейского погрома в м. Проскурове, в одной из ниш которого был установлен бронзовый барельеф протодиакона Климентия". В то же время, автор этой статьи, Протоиерей Сергей (Причишин), с грустью замечает, что «могила этого человека, в прошлом клирика Подольской епархии, сейчас находится в неважном состоянии из-за недостатка средств, и в самом скором времени она потребует серьёзной реставрации. Хотя члены приходской общины УПЦ установили на ней утраченный ранее надгробный крест, но это лишь временная мера. В дальнейшем планируется поставить памятник на его могиле». Как это правильно, что еврейская община Хмельницкого решила принять участие в этом предприятии! Еще надо сказать о том, что после гибели о. Климентия осталась его вдова Аполлинария Качуровская и двое маленьких детей. Вдову парализовало в результате перенесенного шока. Так что семья не могла обойтись без услуг домработницы. Жившая в одном доме с Качуровскими еврейская семья Эйвиных старалась помогать несчастным соседям. Написавший об этом М. Френкель не знает, каким образом Качуровские выжили - кто взял на себя бремя их материального обеспечения. Я думаю, они выжили при деятельном участии со стороны спасенных о. Климентием евреев. Выжили! С радостью узнала

о том, что внук о. Климентия, Олег Качуровский не так давно выступал на заседании круглого стола в местной организации Хесед-БЕШТ.

На том же сайте <http://ukrainica.org.ua> в статье Игоря Западенко «Старе кладовище» (Старое кладбище) я нашла указание на местоположение могилы спасавшего евреев в дни погрома 1919 года доктора Полозова. Он умер в 1937 г. и был похоронен в секторе православного кладбища, отведенного для могил самых известных в городе медиков. Есть и фотография плиты с надписью "Сергей Николаевич Полозов" (на снимке). Надгробная плита легендарного окулиста и отоларинголога С.Полозова действительно сохранилась, но поднята над землей и перекошена корнями дерева, которое выросло рядом с могилой. Вряд ли она посещается кем-то. К сожалению, члены местной еврейской общины «Тхия» НЕ посещают его могилу и НЕ кладут венки <...> и камни на его надгробие. Кладбище это имеет крайне запущенный вид, много памятников разрушено или вовсе утеряно, так что надо рассматривать сохранение этих двух важных для евреев могил, о. Климентия и д-ра Полозова, как большое везение или даже как чудо. Естественно, хотелось бы, чтобы члены местной еврейской общины приняли участие в приведении в порядок как могилы д-ра Полозова, так и окружающего ее участка кладбища.

"Кто спасет одну жизнь – спасет целый мир" (Мишна, Сангедрин, 4:5). Это одно из красноречивейших еврейских высказываний о ценности человеческой жизни.

Жемчужина еврейской мудрости! В конце фильма "Список Шиндлера" режиссёра Стивена Спилберга (1993 год) о немецком бизнесмене и члене НСДАП Оскаре Шиндлере, спасшем более тысячи польских евреев от гибели во время Холокоста, есть эпизод, когда после освобождения Красной Армией городка Цвиттау-Бриннитц в Чехии, где находилась фабрика Шиндлера, ему приходится бежать, иначе он попадет в лапы СМЕРШа как нацист. Спасенные им евреи дарят ему на прощанье золотое кольцо, на внутренней стороне которого выгравирована надпись "Спасший одного спасает мир". Так что этот "слоган", говоря современным языком, стал определением спасителей евреев в XX веке. Да, действительно, эта древняя Талмудическая максима стала актуальна в годы Второй Мировой войны по отношению к Праведникам народов мира, но она применима и к праведникам другого времени - дней страшных погромов Гражданской братоубийственной войны. Конечно, на фоне огромного числа убитых и раненых в Проскуровском погроме несколько десятков спасенных Праведниками составляют очень малую долю. Но дело не цифрах и не в процентах. КАЖДАЯ ЖИЗНЬ ВАЖНА.

Мне кажется, что рассказанные здесь истории Спасения – уникальны или, по крайней мере, очень редки для того времени. В тех местах, где прошло детство родителей, моих и моего мужа, такого точно не было. Родители наши принадлежали к тому же поколению, что и Марианна Полозова. Отец родился в 1908 году, мама – в 1912, свекровь – в 1910. Все они - свидетели погромов в разных, но близких друг к другу украинских городках и местечках. Ни от кого из них я не слышала подобных историй, ни даже от краеведов, дотошно исследующих еврейскую жизнь в тех местах. Да, христианская семья спрятала гимназическую подругу их дочери. Да, подмастерье спас своего хозяина, не дав увести его на расстрел. Да, прохожий-украинец уговорил бандитов отпустить свою жертву, убедив их, что это хороший человек – помогает людям. Свекровь мою и двух ее братишек спасла соседка-украинка из села Гульск. Только что ушла из жизни сестра мужа, и мне хочется помянуть ее, приведя ее рассказ: "Мама говорила, что во время Гражданской войны, одна банда врывалась в Гульск, буквально сменяя другую, и все убивали евреев. И вот однажды налетели...На помощь прибежала соседка, ее звали в Гульске "Настя языкатая". Она схватила детей нашей бабушки "Герщихи" (жены Герша Глозмана) - маму, Леву, Гришу, самого маленького (маме было лет 9, а Грише 3-4), и затолкала их к себе на печку, где сидели ее дети. Этим она и спасла их. Бандиты ворвались в её хату, которая была рядом с домом Глозманов, с главным вопросом: "Жидив маешь?" "Ни, ни, - Настя отвечала, - то уси мои хлопчики и доци". Но до этого она и "Герщиха" знали друг друга не один год, добрейшая "Герщиха" ей всегда безотказно помогала, и их дети дружили между собой. Так что это не проскуровский случай, когда были спасены несколько десятков людей, чужих спасителям, – спасены из чистой гуманности. Проскуровские праведники действительно – редкие жемчужины человеческой породы. Но такие, как они, были, есть и будут. И когда узнаешь о них, легче жить на свете.

P.S. *Не так-то просто закончить с проскуровским сюжетом: получила в частном письме вопрос – почему я так легко поверила рассказам дочери о том, что д-р Полозов, ее любимый отец, бесстрашно перевязывал раненых на улицах города, по которым*

пронесся погромный смерч. Она, пишет скептик, просто озвучила семейную легенду, которая не имеет отношения к реальности. Старушка могла и напутать. И присочинить. Действительно, в тот момент, когда записывался ее рассказ, Марианне Сергеевне было сильно за 80, а резня случилась за много лет до того. К тому же, как известно, в «розовых афишках» от атамана Семесенко категорически запрещалось подбирать на улицах трупы, чтобы их похоронить, и помогать раненым – за это назначались страшные кары (Чудовище!).

И в свидетельствах очевидцев, записанных вскоре после тех жутких событий, мне не попалось подтверждений словам Марианны Сергеевны. Но на ловца и зверь бежит. В книге Саула Фридмана о Парижском суде над С. Шварцбардом, убившем Петлюру ("Pogromchik. The assassination of Simon Petlura" by Saul S. Friedman, Hart Publishing Company, 1976) я нашла впечатляющий рассказ о благородной деятельности в дни погрома проскуровских докторов, Полозова и Голубева. Этот рассказ прозвучал в свидетельских показаниях Хая Гринберг, пережившей погром в Проскурове. Хая, занявшую свидетельское место, представили суду как студентку-медичку, принятую на службу в качестве медсестры в Украинское отделение Датского Красного Креста.

Удивительная вещь: оказывается, после того, как все европейские страны расторгли дипломатические отношения с советской Россией, единственной международной организацией, еще остававшейся в первую половину 1919 года в охваченной Гражданской войной стране, был Датский Красный Крест. Его сотрудники «держали пульс» на событиях, происходивших в разных «горячих точках» бывшей Российской империи. Их отчеты каким-то чудом доходили до Копенгагена в сжатые сроки. И о Проскуровском погроме первой в Европе узнала Дания.

Если честно, я раньше о таком никогда не слыхала. А теперь во многих свеженарисованных книгах американских и британских историков можно найти рассказ об этом и даже цитаты из отчета о погроме в Проскурове «с места событий», отосланного в мае 1919 года в Копенгаген.

Так вот, Хая Гринберг рассказала, что, случайно оказавшись в Проскурове накануне погрома (приехала на пару дней навестить родителей), она, в стремлении облегчить участь раненых, устроила в доме своего дедушки пункт оказания первой помощи (она назвала его «временным госпиталем»). В нем во все дни погрома как раз и работали доктора Полозов и Голубев, а Хая им помогала как медсестра и хозяйка дома. Все работали добросовестно, не покладая рук, день и ночь: пациентов было много, и ранения, как правило, были очень тяжелые. Во многих случаях раненые, пролежав в одном белье несколько часов, а то и ночь, на февральском морозе, были сильно обморожены. И доктора буквально не знали, с чего начать лечение – с ран или с обморожений. Хозяева дома делились своими скудными запасами пищи. Хая обносила всех горячим чаем – чтобы несчастные могли согреться.

Свидетельница, борясь со слезами, сдавленным голосом, буквально перейдя на шепот, рассказала о многих ужасных случаях и о тяжелейших психических травмах, с

которыми сталкивались все трое работников этого импровизированного госпиталя. Публика в зале суда рыдала. Плакали присяжные. Не мог сдержать слез и подсудимый Шварцбард, сидевший в арестантской клетке.

А каково было работать в том аду!? Хая Гринберг рассказала, что, конечно, не во всех случаях удалось помочь – многие их пациенты скончались у них на руках. Удивительно, что погромщики не тронули добровольных спасателей. Хая объяснила это тем, что они работали под флагом Датского Красного Креста. Всего этого 9-летняя Марианна Полозова, разумеется, не знала. Но она правильно донесла главное – отец делал все, что считал своим долгом. И делал наилучшим образом.

И нам тоже надлежит делать, что должно. Теперь мы знаем, что деятельность доктора Полозова задокументирована – в стеннограмме процесса и, я думаю, в медицинском отчете, в составлении которого принимал участие доктор Голубев (хранится в ИВО в архиве Чериковера). Lo Tishkach! Не забудь, - взывают к нам жертвы резни. Что ж, приходится «волочить» их память...

Количество обращений к статье - 1935

[Вернуться на главную](#) [Распечатать](#)